УДК 882.01–31. Одоевский

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-4-45-49

Т.Н. Пашаева

«Философический» взгляд Ф.Ф. Одоевского в повести «Косморама»

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; nizamovna@list.ru*

Статья является продолжением серии статей о фантастических повестях В.Ф. Одоевского, писателя «второго ряда» первой половины XIX века (30–40-е годы). Повести «Сильфида» (1837), «Косморама» (1840) и «Саламандра» (1841) не входили в книгу писателя-романтика «Русские ночи», но они развивали основные мысли, изложенные в ней.

В наше время появляется ряд исследований, посвященных обзору фантастических повестей 20–30-х годов. По творчеству же Одоевского фундаментальным трудом является издание АН СССР 1975 года с предисловием и подробными комментариями.

Статья посвящена вопросам философии в повести «Косморама», одном из самых таинственных, мистических произведений писателя. Обыкновенного читателя привлекают не только философские и нравственные проблемы, но и то, что «таинственное» в повести так до конца и не разгадано. Это обстоятельство не является недоработкой автора. Это принцип писателя-романтика. Сама жизнь предстает в «Космораме» как нечто всеобъемлющее. За видимой реалистической связью между событиями, которые выглядят фантастическими, на самом деле кроются роковые, судьбоносные связи.

Основной конфликт повести связан с идеями «нравственной кармы», то есть моральной ответственности человека за свои поступки и мысли. Кроме того, типичная для романтиков проблема интуитивного и разумного знания рассматривается Одоевским в трагическом ключе.

Главный герой «Косморамы» приобщается против воли к тайнам жизни, что приносит ему страшные страдания. Он видит в космораме (которая является «дверцей» в «чудный мир») будущие события, то есть то, что должно находиться за пределами человеческого знания. Но это «зеркало» реальной жизни на самом деле искажает предметы: и люди, и события выглядят там иначе, побуждения и чувства в нем безнравственны. Так сверхъестественное приобщение героя к знаниям оказывается обманом. Роковая предназначенность делает его без вины виноватым. И как вывод: мистический смысл происходящего не может быть познан человеком. Более того, эти знания, являясь искаженными, приносят ему страдания.

Ключевые слова: *В.Ф. Одоевский, мистическое, фантастическое, косморама, нравственная карма, моральная ответственность, интуитивные и разумные знания.*

Фундаментальным исследованием творчества В.Ф. Одоевского является издание АН СССР 1975 года с предисловием и подробными комментариями [2].

В 60–80-е годы появляется ряд статей, посвященных фантастическим повестям писателя [3; 4; 5; 6; 7; 9]. Интересными в этом свете кажутся исследования Ю.Н. Сытиной, которая публикует статьи, посвященные как религиозно-философским взглядам Одоевского [11], так и другим проблемам его творчества [12]. В.В. Шумко в своей статье «Практическо-философская фантастика В. Одо-

евского» классифицирует фантастические повести писателя, считая, что «некорректно относить писателя к научным фантастам» [13].

Занимается творчеством писателя и Н.К. Гусев [14], но его работы далеки от наших научных интересов [15].

Одной из самых «таинственных» мистических повестей Одоевского является «Косморама». В ней интересны не только проповедуемые автором философские и нравственные ценности, которые вытекают органично и ненавязчиво из самого сюжетного сплетения, из судеб героев. Она занимательна, в ней сохраняются так до конца и необъясненные тайны, сама же жизнь представлена не как что-то «простое, рассудительное и прозрачное», что «противоречит действительности», а как «более глубокое и многообъемлющее». Именно в этой повести четко проявилась романтическая мысль о том (как пишет В. Соловьев об «Упыре» А.К. Толстого), что «Под наружною повседневною связью житейских событий существует и чуткому вниманию открывается иная роковая жизненная связь, постоянная и строго последовательная при всей неожиданности и кажущейся иррациональности своих проявлений» [8, с. 610].

Идеи, выраженные в «Космораме», трудно выделить и сформулировать. Но из всех сложных перипетий, скрещиваний и роковых совпадений наиболее отчетливо выделяются две темы: «нравственной кармы» [1, с. 101], т. е. моральной ответственности человека не только за свои поступки, но и за мысли; и вопрос об интуитивном и разумном знании. Основной конфликт повести связан именно с этими двумя проблемами.

Тема существования других миров имеет продолжение в этой повести. Но если в повести «Сильфида» Михаил Платонович открыл «дверцу» в «другой» мир по своей воле (он счастлив в мире духа – Сильфиды), то Владимир, герой «Косморамы», приобщился к тайнам жизни против своей воли. Доктор Бин, виновник этого приобщения «к очарованным знакам, начертанным сильною рукой на магическом стекле», скорбит по поводу его «рокового дара». Ведь «чудная дверь» «раскрылась равно для благого и злого, для блаженства и гибели и... никогда не затворится» [10, с. 203].

Что же это за мир? В раннем возрасте Владимир в подаренной космораме (которая и оказалась «дверцей» в «чудный мир») видит будущие события, то есть то, что находится за пределами человеческого знания. В более зрелом возрасте эти видения приносят ему страшные страдания: он видит там двойников реальных людей, но они ведут себя иначе, их побуждения безнравственны и преступны. Софья, например, простодушная и милая девушка в реальности, в ином мире оказалась «хитрым демоном с коварными, сладострастными глазами», а доктор Бин – Мефистофелем. Являются ли они плодам человеческих побуждений или тайных помыслов? Или, может быть, «двойники» – это темные стороны души человеческой? Одно ясно: мир, открывшийся Владимиру, – мир дьявольский, в нем сконцентрировано все человеческое зло. Каждое «внутреннее побуждение, возникающее в душе человека», здесь «имело свое отдельное, живое существование»; «малейшие поступки, слова, мысли в течение веков срастались в одно огромное преступление», которое «в свою очередь порождало новые центры преступления» [10, с. 225]. Сам герой в результате какой-то дьявольской игры тоже втягивается в огромное преступление, потому что каждая его мысль, преступная с точки зрения нравственных человеческих законов, «получала свое начало в делах людей, суще-

ствовавших ...за несколько столетий» [10, с. 225–226]. Мысль об ответственности человека, «раскрывшего себя влиянию существ нечистых и враждебных», становится важнейшей, а фраза «человек есть мир» передает всю сложность души, которой доступно всё, в том числе и зло. Доктор Бин в ирреальном мире – тоже то ли Мефистофель, то ли друг, благодетель.

Сверхъестественное приобщение героя к знанию о другом мире на самом деле может оказаться обманом. Ведь Владимир, в отличие от Софьи, – человек просвещенный, мир открывается ему в рациональном, разумном познании. Он следует не движениям души, не велению сердца, а своему рефлектирующему сознанию. Он снисходительно относится к природному, естественному уму Софьи, хотя видит всю ее прелесть. Он учит ее тому, что «человеку надобно трудиться, сравнивать и думать». Софья же «просеивает» книги, «чтобы осталось то, что на сердце ложится». Как и любой естественный человек, она живет инстинктами: «Иногда что-то внутри меня говорит во мне, я прислушиваюсь и говорю, не думая, – и часто, что я говорю, мне самой непонятно» [11, с. 211]. По Одоевскому, исходя из его «Науки инстинкта», это и есть высшее знание. Книги Софья любит читать такие, что «когда их читаешь, то делается жалко людей и хочется помогать им, а потом захочется умереть» [10, с. 210]. Во Владимире отсутствует природное, естественное начало, ему эти качества в Софье кажутся наивностью и недалёкостью. Отсутствие в нём положительного, созидającego начала – это его трагедия. Только после гибели Софьи он начинает понимать ее высказывания, казавшиеся ему раньше детскими ведь в основе их лежит любовь к человеку: «Вспомни слова мои: чистое сердце – высшее благо; ищи его».

Софья олицетворяет высшую, жертвенную любовь («Высшая любовь – страдать за другого»): вокруг нее, «казалось, воздух... имел свойство украшать все мятежные страсти, рассеивать все темные мысли...»; «один простодушный вопрос невинной девушки восстанавливал первобытную чистоту души моей; я забывал все гордые мысли, которые возмущали мой разум, и жизнь казалась мне понятна, светла, полна тишины и гармонии» [10, с. 214]. Но Владимир не поверил своим ощущениям: «Нет... соберем всю твердость духа, рассмотрим холодно эту фантазмагорию...», и «вперил в странное видение внимательный взор, с которым естествоиспытатель рассматривает любопытный физический опыт» [10, с. 230].

Результаты анализа ума ужасны. Но правдиво ли это знание? Ответ на этот вопрос кроется, как нам кажется, в объяснении Софьей «маленькой сцены, где Фауст с Мефистофелем скачут по пустынной равнине»: «Разве вы не видите, – отвечала Софья простодушно, – что Мефистофель спешит; он гонит Фауста, говорит, что там колдуют, но неужели Мефистофель боится колдовства?» И далее: «Разве вы не видите, что Мефистофель обманывает Фауста? Он боится, – здесь не колдовство, здесь совсем другое... Ах, если бы Фауст остановился!». Софья, не ведая того, проницательно предсказывает Владимиру его будущее. Так же, как и Импровизатор Киприяно («Русские ночи»), Владимир «всё знает», но и его знание не очеловечено, оно лишено нравственного начала, способность его вечна и не зависит от желаний. Поэтому «этот магический мир, вызванный непонятною силою», не наполнен «тишиной и гармонией». «Там являются, – говорит герой, – все приманки, все обольщения жизни, там женщины, там семейство, там все очарования жизни...» [10, с. 242].

Роковая предназначенность героя «обращать в терзание человечеству» свои мысли делает его «без вины виноватым»: «Роковая дверь открыта»: я, жилец здешнего мира, принадлежу к другому, я по неволе там действитель, я там – ужасно сказать, – я там орудие казни!» [10, с. 243].

Таким образом, «мистическая глубина жизни иногда слишком подходит к житейской поверхности»; но «подлинно фантастическое» «никогда не является, так сказать, в обнаженном виде». Оно должно только «намекать» на «мистический смысл жизненных происшествий» [8, с. 610]. Именно так обстоит дело в «Космораме».

Литература

1. Сакулин П.В. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский: в 2 т. – Т. 1, ч. 2. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. – 485 с.
2. Мейлах Б.С. От составителя // Русские повести XIX века 20–30-х годов: в 2 т. – Т. 1. – М.–Л.: Художественная литература, 1950. – С. III–XXXIV.
3. Николукин А.Н. К типологии романтической повести // К истории русского романтизма. – М.: Наука, 1973. – С. 259–283.
4. Маймин Е.А. О русском романтизме: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.
5. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // В.Ф. Одоевский. Русские ночи. – Л.: Наука, 1975. – С. 247–277.
6. Немзер А.В. В.Ф. Одоевский и его проза // В.Ф. Одоевский. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 3–11.
7. Измайлов Н.В. Фантастические повести // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – С. 134–168.
8. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
9. Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 223–252.
10. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1988. – 384 с.
11. Сытина Ю.Н. Религиозно-философские взгляды В. Одоевского 1830-х годов и их осмысление в отечественном литературоведении // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. – 2012. – № 2. – С. 68–73.
12. Сытина Ю.Н. Повесть Одоевского «Новый год» и образ «вчерашнего» романтического героя на страницах «литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. – 2015. – № 5. – С. 113–118.
13. Шумко В.В. «Практическо-философская» фантастика В. Одоевского // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. – 2013. – № 10. – С. 67–72.
14. Гусев Н.К. В.Ф. Одоевский – издатель и журналист (1820–1840 гг.): автореф. дис. ... к. филол. н. – М., 2013. – 23 с.
15. Гусев Н.К. В.Ф. Одоевский и альманашный тип издания в России 1820–40-х годов («Мнемозина», «Детские книжки для воскресных дней», «Сельское чтение») // Вестник МГУ. Сер. 10: Журнал мистики. – 2012. – № 2. – С. 41–53.

Поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

UDC 882.01-31. Odoyevsky

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-4-45-49

‘Philosophical View’ of V. Odoyevsky in a novelette entitled “Cosmorama”

T.N. Pashaeva

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
nizamovna@list.ru*

This article is a part of a series of articles about fantastical novelettes by V. Odoyevsky, a writer of the ‘second row’ of the first half of the 19th century (30s and 40s). The “Silfida” (1837), “Cosmorama” (1840), and “Salamandra” (1841) novelettes were not included into this romanticist’s *Russian Nights* book but developed the main topics presented in it.

Nowadays a lot of research works focus on the overview of the fantasy tales created in the 20s and 30s; however, there is none that contains a thorough analysis of the problem raised. The fundamental work about Odoyevsky, for instance, is a book by the USSR Academy of Sciences printed in 1975, with a foreword and a detailed commentary.

The article discusses the issues of philosophy presented in “Cosmorama”, one of the most mysterious mystical works created by this author. An ordinary reader is attracted to it by not only the questions of philosophy and morality raised, but also by the fact that its ‘mystery’ is uncovered incompletely. This fact is not an imperfection of the author’s work but is rather a principle of a romanticist. The life itself is something universal in “Cosmorama”. Behind the visible realistic connections, between the seemingly fantastic events there is actually something else: fatal and fateful connections.

The main conflict of the novelette is linked to ideas of ‘moral karma’, a moral responsibility of a human for their actions and thoughts. Moreover, the topic of intuitive and conscious knowledge, which is typical for romanticists, is projected by Odoyevsky in a tragic tone.

Against his will, the main character of “Cosmorama” discovers the secrets of life, which makes him suffer terribly. In “Cosmorama” that presents a ‘door’ to the ‘wonderful world’ he sees the future events, something that should be beyond the grasp of human knowledge. However, this ‘mirror’ of the real life actually distorts things: both people and events look different in it, any motives or feelings appear wicked. Thus, the character’s supernatural communion to this knowledge turns out to be a deception. The fatal predestination makes him guilty though guiltless. Therefore, we may conclude that the mystical sense of any event cannot be perceived by a human. Moreover, being distorted, this knowledge only brings suffering.

Keywords: *V. Odoyevsky, mystical, fantastical, cosmorama, moral karma, moral responsibility, intuitive and conscious knowledge.*

Received 30 October, 2018